



Бёрнер Вася

Овезберди

# Бёрнер Вася Овезберди

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70635952](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70635952)*

*SelfPub; 2024*

## **Аннотация**

К середине августа 1984 года наш пост № 12, Зуб Дракона, приобрёл славу самого воюющего поста в нашем полку. Причин было несколько. Первая и самая главная – непосредственный контакт с ущельем Хисарак, близость кишлака Хисарак и общее направление ущелья к границе с Пакистаном.

# Бёрнер Вася

## Овезберди

К середине августа 1984 года наш пост № 12, Зуб Дракона, приобрёл славу самого воюющего поста в нашем полку. Причин было несколько. Первая и самая главная – непосредственный контакт с ущельем Хисарак, близость кишлака Хисарак и общее направление ущелья к границе с Пакистаном.

На противоположном берегу реки Панджшер, напротив Хисарака, обосновалось ещё одно вечно воюющее ущелье, под названием Пьявушт. В нём тоже располагалось несколько кишлаков, в тех кишлаках также ошивалось некоторое количество мужиков, вынашивавших нехорошие планы. Но Пьявушт не такое глубокое ущелье, как Хисарак, не такое извилистое и не такое длинное. И направлен Пьявушт к Салангу, а не к Пакистану. Саланг, как бы, тоже ничего, тоже стратегически важный объект, но снабжение душманов боеприпасами, оружием, рекрутами, баблом и наркотой шло из Пакистана, а не с Саланга. Саланг обороняли наши войска. Периодически пьявуштские бандюганы, совместно с хисаракскими уродами забегали к Салангу с намерением устроить диверсию, но получали отпор и сваливали обратно в Пьявушт и Хисарак. Поэтому на посту № 15, расположенном над Пьявуштом, тоже периодически возникали заварушки и веселушки. Пятнадцатый пост тоже нормально

воевал, но Зуб Дракона, всё-таки, воевал круче, потому что Хисарак круче Пьявушта.

В силу изложенных причин, как говорится, «однаждыИЙ, когда в юности я был выюношей», притопал к нам на Зуб Дракона караван. Хайретдинов, как обычно, разгрузил с пацанов военное имущество, выделил час на отдых, а затем, засветло отправил всех «караванщиков» обратно, в полк. Пацаны поднялись с тёплой афганской земли, обтряхнули её частички со своего обмундирования и «намылились» неспешно канать вниз. Все, кроме одного. Он тоже, вроде бы, поднялся, вроде бы, отряхнулся, но уходить не стал, а очень даже, наоборот, обратился к Хайретдинову человеческим голосом:

– Тарышш прапаршшык, я – рядовой Чарыев, в Ваш распоряжэний прибилъ.

Хайретдинов, то да сё, радиостанцию включил, с «Графиком» перебазарил, и, в ответ, Чарыеву:

– Молодец, товарищ солдат! Я рад, что ты прибыл. Я очень сильно рад! Маршируй на «Третий точка» под командование сержанта Манчинского.

Примаршировал Чарыев на «Третий Точка» и затеялся знакомиться. А чё нам знакомиться? Рожи друг друга сто пятьдесят раз видели. Он вот-вот уже на дембель собирался пойти той осенью. Через месяц-другой можно было запускать в воздух осветительную ракету, орать в афганское небо: – «Дэмбэл давай!» Дембеля часто так делали, я даже видел, как они выкрикивали данную фразу на ракету, запу-

ценную кем-то в стороне. Видимо, ими это воспринималось как маленькая частичка салюта в честь окончания срока их службы.

Офигенного знакомства с расшаркиваниями у нас не получилось. Мы расположились в тени под масксетью, взяли вонючие сигареты, закурили, – караван же пришёл, жрачки-курева притащил. Мы «кайфовали» и слушали Овезберди. Это такое имя у Чарыева. А чё, нормальное имя, туркменское. Пыхтел он в небо облачками дыма и самодовольно рассказывал:

– Я водытэл слюжу на кунг, которий батальонный кухня.



На фотографии командир роты старший лейтенант Рязанов, командиры взводов лейтенанты Маслов, Старцев, Алиев (без головного убора не знаю кто) на фоне кухни Третьего горнострелкового батальона на базе ЗИЛ-131.

Прикол той службы заключался в том, что, даже если наш батальон уходил в горы на операцию, то в «располаге» всё равно оставалась приличная толпа народу: наряды, шмаряды, дневальные, хреняльные, хромые, косые. Их всех требовалось кормить, а повару практически без разницы, на пятьсот рыл готовить, или на пятьдесят. Палюбасу надо было встать ни свет, ни заря, воды в баки налить, сделать закладки, следить за процессом приготовления. А это обозначает, что повар не мог пойти в горы на боевую операцию. Если он уйдёт, то все хромые-косые будут сосать лапу, как мишка зимой в берлоге. Поэтому повар на войну не ходил. И Овезберди тоже. Куды ж он пойдёт-то? Батальонная кухня – это ответственный объект, а вдруг её надо будет перегнать куда-нибудь? Да и за ЗИЛом следить требовалось, ибо в армии всё, что не имело хозяина, бесследно растворялось. Сначала в неизвестном направлении растворялись катафоты, затем зеркала. В один из дней исчезали колёса. Так что от машины с батальонной кухней Овезберди нельзя было отлучать. А он зачем-то припёрся на Зуб Дракона. Что за фокусы? От нехрен делать, что ли?

– Каптан Суханаф знаи-и-ишь? – Ответил Овезберди на

вопрос «что за фокусы?».

– Ну, да-а-а, замполит батальона.

– Я ему морда биль.

– Нахрена? С ума ты сошёл что ли, бить капитана по морде? – Я аж присвистнул от услышанного. Капитан Суханов в полной мере соответствовал своей фамилии, был сухонький такой, поджарый, неогромного такого росточка. Казалось бы, бей, не бойся, он тебя не одолеет. Но... НО!!! Он служил в капитанских погонах на должности замполита батальона.

– Слышь, братан, лучше бы ты мне по пятаку дал. Я бы дал тебе «отбратку» и нормально бы развлеклись. Зачем ты капитана бил? Заняться больше нечем на походной кухне?

– Э-э-э-э, нармалний! – Овезберди лежал в тени и улыбался. – Любой мужик мало-мало морда бьёшь, зафтр лучший друк будет.

– То есть, ты так налаживал дружбу с замполитом?

– Канэчн. Вот пасмотришь, он моя будет оч-щен сильно уважаешь.

– Ну, ты даёшь, Овезберди! Ну ты отчудил под свой дембель! Замполиту батальона врезал по пятаку! Хорошо, что он тебя всего-то на Зуб Дракона отправил, а не в сапёрную роту!

После прибытия Овезберди, к нам прилетел на вертолёте волшебник и скинул на пост несколько мотков колючей проволоки. Комендант Зуба Дракона осмотрел вновь прибыв-

шие материалы и поставил задачу:

– Герасимович, Касьянов, хватайте моток проволоки и волоките к блиндажу. Там будем использовать его по прямому назначению. А пока вы этот моток туда притащите, остальные, кто не ведёт наблюдение на постах, те похваляют лопаты и в темпе вальса наставят столбиков, на которые потом подвесим колючую проволоку.

Задача была понятна, даже, как бы, сильно понятна. Взяли мы с Бендером сапёрную лопату, просунули черенок в один из рулонов, и потащили с вертолётки к блиндажу.





Эта хреновина с проволокой оказалась тяжелой, как триста тонн тротила. Пока мы тянули её по вертолётке, очень задолбались, а когда слезли с более-менее ровной поверхности на косогор, поняли, что сейчас вообще погибнем на трудовом посту. На косогоре то один из нас оказывался выше, то другой ниже. Моток проволоки регулярно съезжал по черенку лопаты и со всей дури колбасил по рукам стальными колючками. Они торчали в торце рулона, как вилка в заднице, с разгона вбивались то в моё предплечье, то в Олегово. Мы периодически вскрикивали дурным голосом «ой», и смотрели, как из рук течет кровь. Через несколько десятков шагов бобина своими колючками изранила нам все руки. Мы наговорили ей некультурных слов и бросили на тропу прямо с лопатой.

В состоянии сильной физической и эмоциональной мобилизации я применил максимальную умственную мощь и вспомнил армейскую поговорку о том, что круглое можно катить. Мы установили моток проволоки на тропинку, я поставил на него обутую в армейский сапог ногу и толкнул по тропе на Бендера, который отошёл на несколько метров вниз. Мы решили, что бобина докатится до Олега и он её примет.

В этот момент из скал появился Хайретдинов, и давайте попробуем угадать, что же он увидел? А увидел он, как один балбес толкнул в сторону другого балбеса огромную бобину проволоки. Та покатила, набрала первую космическую

скорость, и начала подскакивать на ухабах.

– Лови её! Лови! – Заорал Хайретдинов.

Ага! Поймаешь её. И поскакала наша бобинка в заминированный Мариштан.

Хитрожопый Бендер, растопырил было руки, как вратарь в воротах, но неожиданно вспомнил, что ему нету ещё и шестидесяти. Дабы не погибнуть в столь ранней юности, он перепрыгнул летящую на него бобину. Ясный перец, что она просвистела под Олегом, слетела с тропы на первом же повороте и самовольно покинула стационарный пост боевого охранения Зуб Дракона.

– Безмозглые папуасы! Вам ничего нельзя поручить! – Заорал Хайретдинов.

– Да мы, да она... – Залепетали мы с Бендером в ответ. – Да Вы видели, какая она тяжёлая?

– Так, всё похрен! Отставить! Сейчас пойдёте за ней вниз с двумя вещмешками!

«Никчёмная ты моя, горемычная, беспросветная жизнь», – пронеслось у меня в голове. Повесив гриву, я почапал на Третью точку за пустым вещмешком.

– Димон, ништяк! – Встретил меня на Третьей Овезберди. – Паехали Мариштан!

Так понимаю, водитель ЗИЛ-131 умел говорить «поехали» и не умел говорить «пошли». А в этом была некоторая разница. Потому что там, внизу, нас ждала бобина колючей проволоки.

– Ты с ума спятил, Овезберди! Как же мы эту проволоку сюда притащим?

– Паехали, Димон! Там винаград, абрикос! Фигня твой проволяка. Эт патом будэт. А сразу винаград будэм кушат Мариштан!

Угрюмо и набычено я потащил пустой вещмешок с Третьей точки к Хайретдинову. На ходу попытался сочинить какую-нибудь объяснялку, почему не надо ходить за этой гадской проволокой. Как же её нести-то? Вещмешок она проколет и вопьётся в спину своими колючками. Да она в вещмешок не влезет. Разматывать её из бобины внизу никак нельзя. Хрен скрутишь потом обратно.

– Димон, паехали! – Восторженно бухтел мне вслед Овезберди. – Паехали, не сцы!

Тем временем, ушлые душманы просекли движуху на нашем посту и решили дать нам под зад. Чтобы не повадно было.

Едва я спустился по тропе с Третьей точки на склон, обращённый к полку, из Хисарака начал долбить духовский ДШК. Если раньше духи стреляли одиночными, ну, максимум, могли запустить очередь в три патрона, то сегодня они разошлись не на шутку, и принялись колошматить длинными очередями. При таком плотном обстреле я подумал: – «Хорошо, что я свалил за склон. Хребет они не пробьют, меня здесь достанут». А духи творили что-то невообразимое.

– Ту-ду-ду-ду-ду!!! Та-да-да-да-да!!! – гремело эхо по го-

рам. А по посту лупили крупнокалиберные пули:

– Чпок-чпок-чпок-чпок!!!

Обкурились что ли, черти бородатые?

В процессе этого обстрела одна пуля смачно врезала по скале, отрикошетила от неё, закрутилась, как циркулярка, и пошла вертикально вверх над постом, завывая как вьюга в стихах Александра Сергеевича. Обычно пули после рикошета разлетаются горизонтально. Они улетают от тебя, воют в воздухе, и этот вой потихоньку растворяется в далёких далах. А данная пуля пошла вертикально вверх. Сначала её вой затихал, затем она перевалила верхнюю точку траектории и пошла вниз. С нарастающим воем.

– Нифига себе! Будто по чьей-то смерти поёт, – подумал я.

– Товарищ прапорщик! – С Третьей точки раздался голос Манчинского. – Чарыева убило!

Конечно же, теперь ни о каком мотке проволоки не могло быть и речи. Мы все, кто был свободен от дежурства, кинулись на Третью точку. Может быть, ещё не убило, может быть, ещё можно спасти?

Когда прибежали, то стало понятно – уже не спасти. Пуля от ДШК влетела в бойницу АГСа, стукнулась в скалу, закрутилась с бешеной скоростью и попала Овезберди в основание черепа. Позвоночник превратило в белую труху и раскидало мелкими белыми крошечками по внутреннему убранству СПСа. Весь СПС оказался забрызган кровью и засыпан крошечками от позвоночника. Овезберди лежал на песке с разне-

сѣнным затылком, из жуткой раны на песок вылилась огромная лужа густой тѣмно-красной крови.

«Ну, жопа! Полная жопа!» – Других слов я не подумал, потому что их не было. Лучше бы я согласился «поехать» в Мариштан. Мы бы с ним ушли с Третьего поста и пуля бы в него не попала. Пусть бы мы замучились поднимать на Зуб моток проволоки, но Овезберди был бы жив.

Почти мгновенно прибежал Хайретдинов с автоматом, скомандовал:

– Так, взяли бинт и перевязали его!

– Зачем, товарищ прапорщик? – Мы выкатили на Хайретдинова удивлѣнные лучпарики. – Бинты мѣртвых не воскрешают.

– Знаю. А в штабе этого могут не знать. Скажут – хрен оказали помощь солдату, и он погиб от потери крови. Так что, бинтуйте. А я пойду по рации докладывать.

Манчинский разорвал ИПП, начал прибинтовывать на место практически оторванную от человека голову, я взял лопату и пустой цинк от АГСовских гранат. Вы не представляете, как воняет на жаре свежевытекшая из человека кровяца. На неё тут же стали слетаться мухи и осы.

В полном офигении я собрал кровь Овезберди, набрал полный цинк. То есть, за пару секунд из него вылилось 5 или 6 литров, даже если бы его немедленно положили на операционный стол в реанимации, то никакие врачи ничего не смогли бы сделать. Тем более никто не смог бы соскрести со

скал разбитый в мелкое крошево позвоночник.

С цинком в руках я горестно потопал с поста. Надо было похоронить кровь боевого товарища. Не оставлять же её мухам и осам.

Пока хоронил за постом кровь Овезберди, нечаянно столкнулся с горы небольшой камень. Он полетел по склону, сорвал поставленную на растяжку гранату. Хлопнул запал. Я понял, что произойдёт через четыре секунды и залёг за скалу.

– Крррак! – Разорвалась стоявшая на растяжке «эфка». По звуку я понял, что стояла именно она.

После разрыва я встал из укрытия, вытянул в сторону поста шею с головой и крикнул на всякий случай:

– Пацаны, не стреляйте! Это я сорвал гранату!

Потом крикнул ещё раз, после этого взял лопату, доделал печальное дело и двинулся с лопатой на пост.

– А ну, стой, гад! Руки вверх! – Заревел из камней голос, который в Хисараке знали все. Потому что, это был голос Хайретдинова.

– Товарищ Прапорщик! Не стреляйте! Это я! – Какое счастье, что Хайретдинов задумал взять душмана в плен, а не пристрелить его. Если бы не это обстоятельство, историю про Зуб Дракона рассказывал бы кто-нибудь другой.

– Химик странный, опять ты?! От тебя одни неприятности! Как ты уже задолбал! А я думал – вот он, мой орден, вот он, мой пленный душман!

Потом за Овезберди прилетел вертолёт.



Вот эти данные и фото были взяты из Всесоюзной книги памяти:

ЧАРЫЕВ Овезберди, рядовой, водитель, род. 10.6.1964 в совхозе им. Калинина Ашхабадского р-на Ашхабадской обл. Туркм. ССР. Туркмен. Работал в совхозе "Коммунизм".

В Вооруж. Силы СССР призван 26.10.82 Ашхабадским РВК.

В Респ. Афганистан с дек. 1982.

Принимал участие в 22 боевых опер-ях.

Проявил себя смелым и мужественным воином.

18.8.1984 погиб в бою в р-не ущелья Пьявушт.

Нагр. орд. Красной Звезды (посмертно).

Похоронен на родине.

Штабные работники снова написали в посмертной записке какую-то ерунду. Ущелье Пьявушт находилось от нас за рекой Панджшер, Овезберди погиб не там, а на Зубе Дракона. И я не знаю, на сколько боевых операций он сходил за свою воинскую службу. На Зуб Дракона он пришёл с должности водителя походной кухни. И погиб...

Не представляю, что должен был чувствовать после этой истории капитан, замполит батальона. Ссылка бойца-води-

теля получилась какая-то неоправданно надёжная и жестокая. Надёжней, чем в сапёры.